

С. С. ЛУКЬЯНОВ

Мысли о революции

Воля масс является неоспоримым для всех очевидным двигателем исторического процесса в годы и десятилетия великих исторических кризисов, в эпохи сокрушенных религиозных, правовых, социальных и национальных отложений прежней творческой массовой и индивидуальной энергии.

Какие бы лозунги — социальные, религиозные, моральные — ни с громились охватить массовое революционное действие и придать ему сознательный, идеологический характер. — революция всегда и всюду преследует одну цель, бывает вызвана одной причиной: жаждой лучшего, материально более обеспеченного настоящего, или — что одно и то же — ненавистью к непереносному злу прошлого.

Лозунги вождей, признанных таковыми самой революцией, дают одновременно диагноз социальной болезни, вызвавшей революцию, метод ее лечения и предначертывают те условия дальнейшего режима, при! которых данная социальная болезнь не будет грозить постоянными рецидивами.

И в трех отношениях политический врач может ошибиться при исследовании и лечении своего больного: он может ошибиться при постановке диагноза болезни, при определении метода ее лечения и, наконец, при назначении дальнейшего режима.

Диагноз, данный большевиками — коммунистами социальной болезни, разъедающей не только Россию, но и весь мир, говорил: основной причиной всех социальных и политических зол является ничем неограниченное, ибо «священное», *право собственности*. Метод лечения — мировая социальная революция, иначе говоря, насильственное сокрушение этого права руками тех, для кого оно было лишь правом чужой собственности. Дальнейший режим — всемирное

братство трудящихся с коренным отрицанием права собственности, как своей, так и чужой

Что диагноз болезни был поставлен правильно — против этого вряд ли серьезно кто-нибудь станет спорить. Расхождение начинается при решении вопроса о методах лечения: эволюционном или революционном.

* * *

Мировая социальная революция, в форме одновременного во всем мире кризиса, еще не пришла. Между тем, только устранение во всем мире «права собственности» оправдало бы полностью методы коммунизма в России.

Частичная социальная революция — русская революция — неизбежно стала увлекаться жаждой масс, прежде всего крестьянских, к лучшему, материально более обеспеченному, будущему без мысли об окончательном преодолении социального зла. При этих условиях, полное уничтожение права собственности в России столкнулось в резком противоречии с нравом на «чужую» собственность, завоеванным в процессе революции — но, 1 лозунгом отрицания всякого права собственности — русским крестьянством.

Отдавать хлеб городу даром или по цене, не соответствующей рыночной стоимости продуктов обрабатывающей промышленности, крестьянин не хотел, как не хотел он, с другой стороны, и отдать ту землю, которая оказалась в его руках после революции.

Окружение России странами с признанным «правом собственности», мировая война, а затем непрерывная гражданская война превратили города и исключительно потребляющие центры, почти ничто деревне не дающие. 15 результате — стремление крестьянства к признанию за ним «права собственности», хотя бы ограниченного, на землю и ею рождаемый хлеб с тем, чтобы в настоящем не терять, а для будущего накапливать.

Замедлившийся приход мировой революции заставил вождей русской революции отложить осуществление своей основной задачи — борьбу с мировым социальным злом, устремив все свое внимание на борьбу с язвами русской социальной и экономической жизни — на примирение крестьян и рабочих. Но отсрочка не значит — отказ. И что в данном случае была, именно, отсрочка, отражается на новом экономическом строительстве в России, с непрекращаемой ясностью выступает во внешней политике советской власти.

* * *

Великая Французская Революция осознала себя в лозунгах: свободы, равенства и братства. Однако, реальным ее результатом было лишь установлен никакого социального и политического строя, благодаря которому противоречие между мечтой человечества о свободе, равенстве и братстве и реальным ее воплощением — экономической зависимостью, имущественным неравенством и иерархическим «правом собственности» — стало резко ощутимым, и потому таящим в себе залог новой революции.

Эта новая революция свершилась в России, и не ее вина, если на своем знамени она начертала старые слова, но наполнила их новым содержанием, новым — не по сравнению с тем, которым они обладали в конце XVIII-го столетия, а по сравнению с тем, которое им придал XIX век. Как в конце XVIII-го, так и в начале XX-го столетия, революция искала *реального* воплощения свободы, равенства и братства. Она не нашла его во Франции XIX-го века. Найдет ли его русская революция 1917 года.

* * *

По самому существу стоящей ныне перед Россией задачи, успешное ее разрешение предполагает мировое распространение основного принципа Русской Революции, г. е. уничтожения во всем мире «права собственности». Поскольку же перед нами изолированная, не выходящая за пределы русских государственных границ, социальная революция, и поскольку ее лозунги входят, благодаря атому, в противоречие со стимулирующими волю масс экономическими побуждениями, постольку приходится различать в русской революции ее местное национальное значение и ее значение, как фактора мирового прогресса.

Октябрьская революция, как явление национальное, создала культурные, экономические и социальные условия великого национального возрождения. В нем, однако, есть элементы — и при том чрезвычайно значительные — которые выходят далеко за пределы национального. Это, во-первых, новое понимание «права собственности», во-вторых, новое разрешение международной проблемы в направлении единого мирового союза всех трудящихся.

Поскольку оба эти элемента входят в содержание национального возрождения, они определяют собою — первый — так называемую

новую экономическую политику, которую ошибочнее всего было бы считать возвратом к старому буржуазно-демократическому порядку вещей; второй, неизменную с первых же дней октябрьской революции национальную политику Советской власти, благодаря которой Русская Империя постепенно превращается в Российскую Федеративную Республику

В чем же сущность нового понимания «права собственности», даваемого — Русской революцией.

Отмена права *частной* собственности, декретированная еще в 1918 году, ошибочно понималась как полное уничтожение собственности. В действительности «отмена» сводилась лишь к тому, что единственным закономерным собственником становилось государство. Столь же ошибочно отдельные мероприятия новой экономической политики истолковываются, как восстановление полностью частной собственности. На деле же революционный принцип сохранен собственником продолжает быть государство, но оно передает принадлежащее, но праву, ему одному имущество в пользование частным — физическим или юридическим — лицам, которые, как в управлении этим государственным имуществом, так и в извлечении из него выгод, ответственны перед государством-собственником. Помимо ответственности, держатели обязаны определенными выплатами в пользу государства за предоставленное им право пользования или владения. Наконец, передаваемое в отдельных случаях государством частному лицу полное право собственности все же является не «естественным» и «священным», а всего лишь *государственно-целесообразным*; так, передана в собственность мелких промышленных и сельскохозяйственных производств вызвана ничем иным, как стремлением примирить лозунг революции с основным стимулом, управляющим волею масс.

Эта новая теория «права собственности», которая требует еще своего точного юридического обоснования, уже сама по себе Является огромным переворотом в сфере обычной капиталистической экономики, а. в результате длительного своего применения, должна будет значительно способствовать перевоспитанию и прежней буржуазной психологией?

Долгое время можно было сомневаться, устоит ли советское «право собственности» против давления мирового капитализма. И вот последние дни принесли в этом отношении утешительное известие. Под влиянием общего мирового социально-экономического кризиса, осложненного целым рядом политических противоречий, европейские державы и Япония, в лице своих правительств. признали в Каннах,

что «Нации не могут претендовать на право взаимно диктовать друг другу принципы, на основании которых они рассчитывают установить у себя свою организацию собственности, свою экономику и свое правительство. Каждой стране принадлежит и право избрать для себя ту систему, которую она в этом отношении предпочитает».

В сознании капиталистических стран образовался опасный для старого мира надлом: допущена возможность «организации собственности» на иных началах, кроме чисто-капиталистических. Дело времени — если мировая буржуазия сумеет пойти на дальнейшие уступки, или мировой революции — в случае упорного отстаивания буржуазией прежних позиций — этот надлом, этот «*Буржуазный Термидор*» расширить и закрепить и качестве исходной точки нового экономического и социального развития.

Такое же, если не большее, значение для мирового прогресса суждено и другому национальному элементу «русского опыта» — федерации трудящихся — непосредственно вытекающему из «революционного» права собственности.

В противоположность всем прежним попыткам федерирования «русский опыт» строится не на вертикальных линиях *национального* сечения, а на горизонталях *социального*.

Наполеон, покоря Европу и сохранив ее вертикальные сечения, стал жертвою вызванных к жизни им самим национальных духов. Если бы Русской Революции суждено было иметь своего Наполеона а он возможен, но лишь воплощенным в Мировой Социальной Революции — то в результате завоевания им Европы все вертикальные перегородки были бы уничтожены, и *единое мировое государство трудящихся* из власти грез перешло бы и действительность.

Но и без «русского Наполеона», хотя бы и во образе Мировой Революции, русский опыт федерирования, по мере неизбежного приближения социально-экономических основ европейской жизни к основам русским, эволюционно, с непререкаемостью равномерно-ускоренного движения, *приведет к тому же — к Европейской, а затем и Мировой Советской Республике.*

